

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Ю.И. Смирнов

О методике изучения народной прозы

Аннотация. В статье рассматривается современное состояние методики исследования народной прозы. Автор анализирует распространённые современные подходы к изучению повествовательного фольклора, отмечая недостаточную изученность ряда проблем, таких как исследование локальных репертуаров, степень изменения текста во времени и причины этого изменения, вопросы достоверности текстов и сведений о носителях традиции. Предложены подходы к составлению новых изданий и созданию новых классификаций народной прозы, учитывающие как опыт прежних исследователей, так и новые возможности современной фольклористики.

The paper reviews the current state of the research methods in folk prose. The author analyses the widespread modern scientific attitudes towards the narrative folklore, and shows that a number of problems are not sufficiently studied, such as location related sets of texts, the degree of the evolution of texts in course of time and its causes, the veracity of texts and information about bearers of tradition. The scientific approaches to new editions and making new classifications of the folk prose are proposed, considering the experience of earlier researchers as well as new possibilities of modern folklore studies.

Ключевые слова: повествовательный фольклор, локальный репертуар, классификация народной прозы.

The narrative folklore, location related sets of texts, classifications of the folk prose.

УДК: 398.21.

Контактная информация: 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а. Институт мировой литературы, отдел фольклора. E-mail: yvonrims@mail.ru.

Все сколько-нибудь крупные работы по народной прозе, прежде всего по собственно сказкам, принадлежат прошлому, чаще удалённому на десятилетия от нынешних времён. Все сколько-нибудь заметные фигуры, занимавшиеся народной прозой, покинули этот мир, а менее заметные – либо ушли на покой, либо не занимаются более предметом долгого своего внимания. И наряду с этим иногда переиздаются старые, ещё дореволюционные собрания сказок, а на местах, как бы следуя обычной советской практике, порой выходят сборники сказок, в записи чаще, впрочем, тоже советского времени, нежели последнего десятилетия¹³. Как переиздание, так и новые сборники снабжены очень скромным справочным аппаратом. Не всегда имеющиеся ссылки на всем известный СУС [Сравнительный указатель сюжетов 1979] нередко не безупречны, и всё же благодаря именно этим сборникам ещё поддерживается впечатление бурной деятельности в области изучения народной прозы.

Переиздания старых сборников заставляют также задуматься над тем, сколь последовательно и в достаточной ли степени привлекались тексты из них в исследованиях сказковедов XX в. Частое обращение к СУСу вынуждает поневоле замечать в указателе нестыковки и нелогичности, идущие от взятого за образец указателя Аарне – Томпсона, и задаваться вопросом, что же в конце концов считать подлинным сюжетным типом, если в указателе под ним подразумеваются повествовательные единицы разного масштаба: темы, сюжетобразующие мотивы, простые и многосоставные сюжеты, контаминации разного рода.

Сопоставляя сведения СУСа об изданных текстах с образцами или скромными наборами произведений на тот же сюжет / тип, привлечёнными в какой-либо работе, легко убедиться в избирательности сказковедов, нередко изумительно чрезвычайной. А ведь помимо опубликованных текстов существовали и существуют записи, накапливающиеся в разных архивах, – за редкими исключениями, они оставались вне поля зрения у авторов сказковедческих штудий. Как в отношении других фольклорных произведений, так и в отношении народной прозы прослеживается безотрадная и нарастающая тенденция: чем больше записывалось текстов, тем меньше их публиковали и привлекали для какого-либо изучения.

Архивы имеются едва ли не в каждом населённом пункте, где существует вуз, какое-нибудь гуманитарное учреждение или хотя бы приличный краеведческий музей. Надлежащие описи материала

¹³ См., например, довольно пёстрые по характеру исполнения сборники: [Сказки юга России... 2000; Традиционный фольклор... 2001; Русские волшебные сказки... 2001; Архангельские сказки 2002; Кенозерские сказки... 2003; Сказки Кенского волочка 2004]. К этому можно добавить самозаписи сказок, быличек и устных рассказов кенозёра: [Марков 2002]. Последними четырьмя сборниками впервые приоткрывается сказочная традиция Кенозера и его округи.

обычно отсутствуют, ибо нельзя считать описью пометы типа «легенда», «предание», «сказка», – а если к слову «сказка» кое-где добавляют эпитеты вроде «волшебная» или «сатирическая», то всё равно характеристика текста остаётся неопределённой. Образцом (но не идеалом) в описи народной прозы предстаёт каталог Фольклорного архива Карельского научного центра РАН: в нём помимо прочих непереносимых сведений обязательно приводится номер типа по СУСу или несколько номеров в случае контаминации, что сразу же позволяет решать, стоит ли спешить знакомиться непосредственно с самим текстом. Подобная опись народной прозы наряду с описанием других фольклорных материалов уже давно была также создана в Нижнем Новгороде.

Вслед за составлением каталога для внутреннего пользования в Петрозаводске был опубликован каталог записей русской народной прозы, сделанных, правда, в пределах лишь одного района Карелии [Сказки Пудожья... 1979]; этот опыт, к сожалению, не получил своего развития в виде описаний по другим районам. В этом отношении преуспели в Нижнем Новгороде – там с самого начала материал описывался по всем районам Нижегородчины [Библиографический указатель... 1976]. К данным опытам приближается несколько иначе построенный указатель русских бытовых сказок и анекдотов сибирской записи: в нём наряду с учётом опубликованных текстов в заметной степени представлены и описания текстов, хранящиеся в разных архивах [Соболева 1984]¹⁴.

Иначе, в виде пространственных таблиц, показан сюжетный состав русских волшебных сказок сибирской записи [Матвеева 1985]¹⁵. В них тексты отмечены теми же номерами, что и в СУСе, и это оказывается наглядным. Однако подача в виде таблиц исключает сопровождение номеров какими-либо иными сведениями, прежде всего отсылками на источники текста, включая и привлечённые архивные. Нет никакого сомнения в том, что таблицы составлены на основе всех необходимых для добротного указателя сведений, поэтому их (таблицы) следует расценивать как давнюю заявку на создание указателя русских волшебных сказок сибирской записи.

Составлению таблиц предшествовала и серьёзная работа по созданию серии волшебных сказок сибирской записи¹⁶, которая, к сожалению, была прервана по внешним и нелепым поводам. Из всей совокупности текстов этой серии почти половина была опубликована впервые. В каждом из сборников серии тексты группировались по определённым сюжетным типам, что открывало возможности для последующего монографического их изучения, которое всё ещё не наступило. Таких же последствий не имело и похожее по характеру издание корпуса сказок о мачехе и падчерице [Русские народные сказки о мачехе и падчерице 1993].

Тридцать лет назад впервые появилось исследование о мифологических персонажах в русском фольклоре, подкреплённое соответствующим указателем о них [Померанцева 1975]. Хотя в названии указателя выказана претензия на отображение сюжетики, в действительности в нём выдвинуты в качестве более значимых атрибуты персонажей, а не повествования о них, из-за чего какие-то тексты пришлось разрывать на части. Составление указателя по персонажам в виде описания их атрибутов, разумеется, нельзя считать предосудительным. Напротив, указатели и такого рода вполне уместны и необходимы, но они не могут и не должны подменять указатели по сюжетообразующим мотивам, сюжетам и контаминациям.

Насколько известно, первым и долгое время единственным приверженцем такого указателя быличек оставался иркутский фольклорист В.П. Зиновьев. Основные результаты его работы стали достоянием науки, увы, после преждевременной кончины фольклориста. Сначала они были представлены в виде указателя «сюжетов» сибирских быличек, построенного по заимствованной у предшественниц схеме и дополненного не зафиксированными у них формами, – в нём даны краткие, часто очень скупые описания без каких-либо сведений о местах записи и с тем же разрывом текстов на части [Зиновьев 1985]. Затем появилась книга, содержащая отобранные былички в сопровождении опять же лаконичного указателя всего собранного корпуса [Мифологические рассказы... 1987]. Приходится признавать, что этот корпус быличек – числом до 1800 – нуждается в создании третьего по счёту, более тщательного и содержательного указателя.

С ослаблением, а затем и с отменой официальных запретов на публикации текстов, содержащих народные верования, стало возможным невозбранно издавать былички и легенды. Провозвестником этих возможностей послужило переиздание сборника легенд, ещё в 1859 г. опубликованного А.Н. Афанасьевым [Народные русские легенды... 1990]. С тех пор и вплоть до последнего времени этот

¹⁴ В этом указателе отдельно показаны формы, не зафиксированные СУСом.

¹⁵ Отдельным перечнем описаны формы, не зафиксированные СУСом. Впрочем, судя по пересказам, не все они похожи именно на волшебные сказки.

¹⁶ См.: [Русские народные сказки Сибири о богатырях... 1979; Русские героические сказки Сибири 1981; Русские волшебные сказки Сибири 1981; Русские народные сказки Сибири о чудесном коне 1984].

сборник оставался единственным известным собранием русских народных легенд. Он, разумеется, не заключал в себе всего сюжетного состава легенд, тем не менее подобранные Афанасьевым тексты оказались действительно традиционными легендами и быличками. Это впоследствии подтвердилось с помощью записей их вариантов в разных местах страны, ибо запрет царских властей и официальное уничтожение части тиража сборника, которое попало в руки исполнителей аутодафе, отнюдь не погасили интерес к легендам и быличкам. Их продолжали искать и находить, их по крупицам включали в разные статьи, сборники, книги, так что если бы нашлись люди, которые собрали бы эти рассеянные по разным публикациям тексты, то получился бы корпус, куда более внушительный, чем сборник Афанасьева. Таких людей не нашлось до сих пор.

К началу 90-х гг. XX в. во многих местах накопились свои запасы несказочной прозы, что в значительной степени было обусловлено сильно развившимся интересом к народным верованиям или представлениям о себе и окружающем мире. Едва стало известно о снятии официального запрета, как в разных местах начали выходить сборники, частично или полностью содержащие несказочную прозу. Одними из первых оказались сборники быличек и устных рассказов, вышедшие в Перми [Былички и бывальщины... 1991; Правдивые рассказы... 1993]¹⁷. Рождественской ночи и отчасти святкам был посвящен сборник, изданный в Иркутске [Рождественская ночь 1994]. Широким по охвату посещённых мест, от Псковщины и далее к востоку, но с представлением небольшого числа текстов из каждого места появился сборник в северной столице [Мифологические рассказы... 1996]. В отличие от него, петрозаводский сборник содержит записи, сделанные исключительно в одном месте, на Водлозере (Пудожский р-н Карелии), – на фоне многих других современных изданий не сказочной прозы этот сборник выделяется тем, что снабжён хорошим справочным аппаратом и указателями, включая указатель мотивов и сюжетов [*Предания* и былички 1997]. Нижегородцы первыми решились выпустить сборник, целиком состоящий из легенд местной записи [Нижегородские христианские легенды 1998]¹⁸. Лишь в начале этого столетия узналось, что и музыковеды, обследуя Псковщину на протяжении многих лет, отнюдь не чурались записи образцов народной прозы, по преимуществу несказочной [Народная традиционная культура... 2002]. Несколько лет подряд в десятках поселений Восточной Сибири довольно последовательно собирался материал – в основном устные рассказы и отчасти былички – о медведе, об охоте на него, о соответствующих верованиях и магических действиях. В итоге открылся почти неведомый ранее пласт народной культуры, получивший своё отображение в виде отдельного сборника текстов и иных материалов [Афанасьева-Медведева 2002]¹⁹.

Ранее редкие собиратели и притом скупко описывали свои опросы носителей фольклорной традиции. В последние годы это порой показывается подробно²⁰, и возникает опасение, что диалоги собирателя с носителем всё более станут теснить в публикациях собственно произведения несказочной прозы. Читая диалоги, можно заметить, где носитель воздержался от передачи связного повествования, а собиратель упустил возможность записать настоящий фольклорный текст. Диалоги часто похожи на любопытную форму признаний собирателя в своих упущениях. Тем самым становится очевидным, что диалоги – вопросы собирателя и ответы носителя – в фольклорных изданиях нельзя ставить вперемежку с самими текстами. Место диалогов – в приложениях или в примечаниях, но не в основном корпусе.

Наряду со сборниками, содержащими достоверные записи, иногда появляются книги, где публикаторы, имея на руках записи текстов, тем не менее предпочитают давать отрывки из них, ещё и без должной паспортизации, или пересказывают своими словами. Таковы два небольших сборника несказочной прозы Вологодчины [Кузнецов 2004, 2005] и смешанное издание с привязкой к Куликову полю и битве на нем [Бурцев, Пешехонов 2005].

Открытием никому не известного давнего сборника легенд и быличек стало издание, осуществленное новосибирцами [Русские простонародные легенды... 2005]. Оказывается, пример Афанасьева был всё же заразительным. Некий аноним, отталкиваясь от афанасьевского сборника легенд, создал свой сборник, на который не последовало запрета: аноним, вероятно, пользовался таким покровительством, какое было сильнее доносов. По составу текстов сборник анонима заметно переключается со сборником Афанасьева, но социальная направленность тех же самых легенд аккуратно смягчена правкой, очевидно, самого анонима, что, по-видимому, и гасило пыл доносчиков или даже пре-

¹⁷ Второй сборник сильно разбавлен перепечатками текстов из старых изданий.

¹⁸ Спустя несколько лет к нему добавился сборник устных рассказов и легенд о местных родниках: *Местные* святыни в нижегородской устной народной традиции: родники, часовни при них / Под общей ред. К.Е. Кореповой. Нижний Новгород, 2003.

¹⁹ К великому сожалению, сборник изобилует досадными опечатками и, следовательно, нуждается в исправленном переиздании.

²⁰ См., например: [По заветам старины 2005; Представления восточных славян... 2004].

дотвращало доносы. К тому же сборник вышел в 1861 г., когда внимание властей было отвлечено из-за отмены крепостного права, крестьянских волнений, студенческих выступлений и сложившихся в обществе серьёзных предреволюционных настроений. Сборник анонима не вызвал публичных откликов и быстро канул в небытие. О нём просто забыли. Извлечённый теперь из-под спуда, сборник анонима займёт своё место как естественная тень сборника Афанасьева. Его тексты придётся использовать, разумеется, с учётом правки анонима. Было бы важно определить, к каким местам бытования восходят версии его текстов. Пока что это сильно затруднено, поскольку сходные формы записывались обычно по случаю и не сводились в корпуса вариантов, позволяющие выявить ареальность бытования текстов. Вряд ли будет удивительно, если в ходе такого изучения откроется, что аноним слышал нескольких рассказчиков, жителей или выходцев из разных мест. Наслушавшись рассказчиков, удержав в памяти их тексты и пожелав закрепить их в письменной форме, аноним произвольно сам превратился в носителя. Тексты анонима можно оценивать как самозапись, несколько искажённую просвещённостью записывателя²¹.

По разным видам собственно сказок более или менее известны составы / наборы произведений и в некоторой степени – сюжеты, в них содержащиеся. Для получения знаний об этом имеется основа в виде СУСа, правда, пока что должным образом не освоенная. По видам же несказочной прозы ещё только предстоит составить перечни произведений и их сюжетов. Это, очевидно, осуществимо лишь постепенно, по отдельным произведениям, сюжетам или их сериям²². Ведь тексты чрезвычайно рассеяны по самым разным источникам, и, чтобы составить сколько-нибудь представительный набор вариантов одного произведения, требуются непомерные затраты времени на их поиски. Между тем толкования с привлечением отдельных образцов пока что оцениваются выше поисков предельно возможной совокупности текстов, субъективизму толкований неизменно отдаётся предпочтение перед объективным результатом в виде собранного в ходе долгих поисков корпуса текстов определённого вида. И очень редки работы, открывающие пути для последующих исследований. К ним безусловно относятся монографические работы, посвящённые легендам о сотворении мира [Кузнецова 1998] и быличкам о змее-любовнике и его эволюционных преемниках [Козлова 2000]. Обе они выделяются должным и единым построением. В них исследование сопровождается собранным по разным источникам корпусом текстов, подкреплённым соответствующим указателем сюжетов и мотивов. Так всё становится открытым для любого интересующегося лица. Всякое утверждение автора при этом легко проверяемо. Созданная сырьевая база из текстов и указателей позволяет наметить продолжение исследований. Только десятки работ этого рода могут вывести изучение народной прозы на качественно новый этап, когда создание разных открытых фольклорных систем превратится в обыденную практику.

Наряду с описанием серий сопоставимых произведений необходимы и описания составов местных традиций, этой основы основ любой народной культуры. Если диалектологи худо-бедно описали говоры по определённым признакам, то фольклористы не сумели подняться даже до составления местных репертуаров по большинству жанров. Попытки составления местных репертуаров по народной прозе очень редки. Так, совсем недавно в рамках кандидатской диссертации было дано описание легенд и быличек, записанных среди семейских Забайкалья [Кушнарёва 2004]. Об этом кратко сообщается в автореферате, но нынче благодаря техническим средствам никому не сложно познакомиться и с самой диссертацией. В познавательном плане описание легенд и быличек, разумеется, важнее толкований, предложенных в диссертации. Можно только надеяться на то, что описания материалов, хранящихся в архивах, всё же превратятся в обязательный вид работы фольклористов.

Опираясь на непосредственное знакомство с материалами некоторых крупных хранилищ и на сведения, полученные от ряда фольклористов, можно приблизительно оценить количество хранящихся в архивах записей народной прозы: на один опубликованный текст приходится примерно десять архивных текстов. Зная также о том, как трудно, а часто и просто невозможно ныне записать настоящую сказку в её естественном бытовании, нетрудно заключить, что теперь и впредь сказки будет легче собирать в архивах, нежели по деревням, отчего нужно ожидать издания по преимуществу не современных записей, а произведений, записанных много ранее, главным образом в советское время, и извлечённых из самых разных архивов.

Зная о внушительном множестве уже опубликованных произведений народной прозы и – пусть приблизительно – представляя себе большее в разы число текстов, отложившихся в архивах, можно только восхищаться поразительной дерзостью предшественников, строивших логические цепочки

²¹ Уже не самозапись, а старательную литературную обработку быличек предлагают в одном из современных изданий [Щербинина 2003].

²² Здесь решимся сослаться на свои опыты изучения произведений несказочной прозы [Смирнов 1997, 1997а, 1998, 1999, 2002].

суждений по методу прокрустова ложа, когда постулат только иллюстрируется отдельными, произвольно выбранными примерами, а не выводится как заключение на основе представительной, по возможности предельной совокупности сопоставимых фольклорных фактов.

Подобно многим другим фольклорным произведениям, прозаические тексты нередко публиковались лишь после того, как подверглись большей или меньшей так называемой литературной правке или даже сильному редактированию, – в советское время такая практика зачастую была ультимативно навязанной со стороны издательств. Между тем произведения, хранящиеся в архивах, эту жестокую процедуру не проходили и уже оттого более приемлемы для исследовательских целей. Однако их привлечение хотя бы в виде скромных иллюстраций к провозглашаемым постулатам остаётся всецелочей-либо личной благосклонностью.

Во многих случаях именно обращение к архивам позволяет определить степень достоверности опубликованных текстов. В самом деле, наиболее полная цепочка превращений рассказанного на запись текста состоит из нескольких звеньев: полевая запись (ручная или техническая); беловик (перебеливание полевой записи или расшифровка технической записи); первая публикация; возможны вторая и последующие публикации, включая для некоторых текстов скрытую перепечатку; усвоение опубликованного текста через книгу (вторичная фольклоризация). Порою сам рассказчик записывал свой текст, при этом он, несомненно, хоть как-то сам себя редактировал (что ещё не изучалось), тем не менее самозапись рассказчика следует оценивать выше ручной записи обычного собирателя, едва способного записывать текст под диктовку. Бывало и так, что человек, прослушавший текст, лишь спустя какое-то время и почему-либо посчитал нужным изложить его на бумаге, после чего этот же любознательный человек или кто-то, наткнувшийся на его изложение текста, помещал изложенное в печати. Именно так очень долго и исподволь фиксировались многие былички, предания, легенды, реже собственно сказки. Эти фиксации тоже требуют учёта, и вместе с тем они непременно нуждаются в подтверждении более качественными записями.

Среди известного материала наиболее часты, просто обычны записи, сделанные под диктовку. Сбои в повторах или абсолютно буквальны повторы, пропуски деталей и даже целых эпизодов, вкрапление литературных оборотов и т.п. – всё это говорит об умении записывателя, о его подготовке. Любой рассказчик, если он дотоле не встречался с собирателями, умеет рассказывать, но не умеет диктовать. Как только его принуждают диктовать текст, он быстро начинает сбиваться и комкать повествование. Замечая за собой огрехи, сказочник смущается, начинает сердиться, старается поскорее закончить, сокращает текст, переходит на его пересказ или даже вовсе обрывает повествование. В свою очередь, записыватель, видя огрехи, в меру своих способностей и, между прочим, знания тех же сказок, начинает поправлять неумелую и сбивчивую запись при её перебеливании. В итоге получается текст, принадлежащий, по существу, двум участникам записи, однако вклад записывателя, как правило, даже и не выявляется.

Со времени широкого распространения лубка в местные традиции стали проникать и закрепляться тексты, которые прямо относятся к разряду книжных заимствований²³. Со второй половины XVIII в. по стране растекались скромные ручейки, а затем и целые потоки всевозможных изданий, доступных простым людям по цене, содержащих сказки действительно народные, сказки в чьей-либо обработке, сказки сугубо авторские, сказки не только русские по происхождению. Благодаря грамотеям что-то из книжных сказок усваивалось по деревням, более или менее переиначивалось согласно местным сказочным канонам и получало некоторое распространение. Книжные сказки обогащали местный репертуар в тех случаях, когда в нём не имелось традиционного аналога, сходного с книжной сказкой по теме или по сюжету. В действительности такие случаи, как представляется, бывали реже, чем случаи проникновения в местный репертуар книжных форм, сходных с местными по теме или по сюжету. Иначе говоря, книжные сказки чаще вытесняли местные формы из репертуара, нежели обогащали репертуар. То же самое происходило с песенной традицией, в которой так называемые жестокие романсы и песни литературного происхождения вытесняли из бытования подлинные народные баллады и протяжные песни. У людей, усваивавших и рассказывавших книжные сказки, не спрашивали, отчего эти сказки стали для них привлекательнее. Причины тому могут быть разные. Порою записывались сказки, представляющие собой то нелепое, то довольно искусное переплетение или слияние книжной сказки с местной формой. Случаи этого рода, по-видимому, можно объяснить частичным забвением местной формы. Желая сохранить её в своём репертуаре, люди прибегали к заимствованию из книги, чтобы восполнить забываемое.

Ныне можно лишь мечтать о создании корпуса народной прозы, прежде всего собственно сказок, с

²³ См. об этом: [Корепова 1999].

разделением текстов по степеням достоверности, причём ядро корпуса составляли бы тексты высокого качества записи. Осуществить эту работу невозможно исключительно из-за отсутствия подготовленных специалистов. Однако уже теперь ничто не мешает лицам, почему-либо обратившимся к сказкам, непременно оценивать их достоверность, различать тексты по степени достоверности, привлекать тексты в порядке очерёдности степеней, с соответствующими оговорками относительно неестественности или нетрадиционности каких-то элементов, персонажей, эпизодов и т.п. Проверка текста на достоверность должна быть обязательным началом исследовательской работы. Это требование должно превратиться в привычку, несоблюдение его свидетельствует об отсутствии профессиональной подготовки, оборачивается недостоверностью самой работы, сколь внушительной она бы ни выглядела.

Неизвестно, сколько всего записано русских произведений народной прозы, прежде всего собственно сказок. Счёт окажется разным в зависимости от того, что принимается за единицу счёта. Составители СУСа оценивают число опубликованных сказочных текстов примерно в 4,3 тысячи [СУС 1979: 13]. Надо думать, что они приняли за единицу счёта физическую запись, независимо от того, односоставна или многосоставна она. Признавая условность понятия «основной сюжетный тип», что отождествлено с номерами системы Аарне – Томпсона, составители посчитали, что таковых сюжетных типов в русских сказочных текстах зафиксировано несколько более 1,2 тысячи [Там же: 15]. Сопоставляя цифры, легко заметить очень низкую, в три-четыре варианта среднюю фиксацию каждой сказки, а это значит, что при такой фиксации вариативности эволюция и распространение большинства русских сказок не могут быть раскрыты. В отношении многих сказок положение может несколько поправиться с учётом архивных записей. Сильно изменится количество физических записей, несколько увеличится число «основных сюжетных типов». Понадобится выделять и не «основные» типы, а также версии. Придётся открыть ещё одну единицу счёта – произведение: до сих пор остаётся неизвестным перечень русских сказок, бытовавших в качестве самостоятельных произведений. Предстоит составить и перечень сказок, не укладывающихся в жёстко закрытую систему Аарне – Томпсона. Некоторые из них составители СУСа подгоняли под «основные сюжетные типы», что только очень затрудняет их отыскание в указателе. Таких сказок, как видится, немало, они явно разного происхождения, ограничены в своём бытовании и, может быть, поэтому не привлекали к себе внимание.

Заметным явлением в советском сказковедении было изучение творческих способностей и репертуаров крупных сказочников. Увлечение мастерством сказочников, наверно, в какой-то степени подавляло внимание к собственно местным традициям. Тексты сказочников рассматривались, как правило, вне связи с местными традициями уже хотя бы потому, что очень часто контрольные записи на местах не делались ни одновременно с записями от выдающегося сказочника, ни спустя какое-то время. Одним из своих источников репертуар сказочников имеет, естественно, местную почву, прежде всего кого-то из старших родичей или свойственников, но не ограничивается этим. Чем большим становится или оказывается репертуар сказочника, тем, следовательно, разнообразнее его источники. С увеличением источников и с ростом мастерства сказочник постепенно уходит от местной традиции и уже не может всецело вернуться к ней. Без знания источников и без сопоставления с ними остаётся только считать личным творчеством сказочника любые словесные обороты, художественные приёмы, детали в виде реалий, имён и т.п., эпизоды, мотивы и даже целые сюжеты, которые имеются в его сказках. А поиск источников неизбежно должен возвращать исследователя к местной традиции, поначалу взращивавшей сказочника, а также к каким-то иным местным традициям, с носителями которых этот сказочник общался.

Если же обратиться к местным традициям, то сразу обнаружится, мягко говоря, их слабая изученность. Легче перечислить, что следовало бы сделать, чем сказать о каких-либо успехах в этом отношении. В частности, ещё не составлены в надлежащей полноте местные репертуары, и оттого неизвестно, сколь системно они выглядят, как они формировались, велик ли удельный вес книжных заимствований и пр. Остаётся неизвестным распространение текстов в определённых версиях и связках. Не отыскивались связи между разными, прежде всего близкими местными традициями. Не описывались репертуары по видам несказочной прозы. И пока никто не составлял поместные репертуары народной прозы по всем её жанрам и разновидностям, привлечённым во всей их совокупности. В отличие от репертуаров отдельных сказочников, местные репертуары нигде не исчерпывались записями полностью. Отчасти это обусловлено тем, что сами собиратели знали довольно мало произведений и не вели, руководствуясь собственными знаниями, опросов по сюжетам.

Любой наш современник, приступивший к изучению сказок, может знать больше текстов, чем все его предшественники, вместе взятые. Эта возможность должна превратиться в обязанность. Современный исследователь обязан знать больше и лучше своих предшественников. А соблюдение обязанности неизбежно приведёт к иным решениям, нежели к тем, какие предлагались предшественниками.

Нужно трезво и исторично воспринимать ограниченность предшественников и их методические ошибки. Важно разобраться и понять, в чём и отчего проявилась ограниченность предшественников, тогда их ограниченность превратится в непозволительную роскошь для современного исследователя. Не менее важно знать методические ошибки исследователей прошлых лет и усвоить их так, чтобы избегать их повторения в собственной работе. Наша фольклористика безусловно сильна своей преемственностью, измеряемой многими поколениями. А преемственность нередко оборачивается, увы, тем, что можно назвать ленивым догматизмом, или, иначе, бездумной подражательностью предшественникам и, следовательно, повторением старых методических ошибок.

Равнодушие к достоверности текстов, к качеству их фиксации непременно сопровождается убеждением в том, что тексты изначально были такими же или – в виде уступки – почти такими же, какими их услышали и записали в последние два столетия. Устойчивость текста абсолютизируется. Его изменчивость обычно объясняется как следствие искажений и недомыслия дремучих носителей-передатчиков опять-таки последних столетий. В сущности фольклорный текст приравнивается к литературному произведению, в чём сказывается мощное влияние литературоведения. Но если у литературного произведения непременно есть автор, обычно в точности известный, то автора у фольклорного текста, как правило, нельзя отыскать уже хотя бы потому, что многие фольклорные тексты достались русским по наследству, от предшествующих этнических общностей, или благодаря взаимодействию с самыми разными соседями. Тем, кто пусть нехотя признаёт изменения, которые вносились в тексты на протяжении последних столетий, нужно проявить последовательность и признать, что изменения в текстах совершались постоянно, на протяжении всего времени их бытования. И, добавим, если бы фольклорные тексты не подвергались изменениям, не осовременивались сколько-нибудь от поколения к поколению, они бы просто отмирали и исчезали навеки, что и происходило со многими текстами, следы которых порою проблескивают в разных произведениях, дошедших до времени записи. Иначе говоря, у фольклорных текстов на протяжении всего времени их бытования оказывалось множество соавторов. Не ведая друг о друге, разделённые пространством и временем, эти соавторы, они же носители традиций и передатчики, воспроизводили тексты для себя и своего окружения, обычно по многу раз, и не стеснялись менять в них что-либо, если это было для них уже непонятным либо устаревшим, излишним или противоречащим их собственным установлениям. Распознавать эти изменения и выстраивать их в некоторой эволюционной последовательности, разумеется, отнюдь не просто, часто весьма затруднительно и трудоёмко, но всё-таки во многих случаях это оказывается посильным занятием.

Устойчивость текста во времени и пространстве означает его традиционность, приемлемость для очередного поколения носителей. В изменчивости текста воплощаются его эволюционные возможности во времени и в пространстве, его приспособляемость к меняющимся условиям бытования, его продуктивность в порождении новых версий, новых эволюционных производных и соединении (контаминаций) с какими-то иными текстами. Ныне продуктивность собственно сказок исчезла едва ли повсеместно, между тем продуктивность несказочной прозы ещё остаётся заметным явлением. Более всего новообразований обнаруживается среди быличек. В некоторых местах, как видится, новообразования почти полностью вытеснили традиционные формы быличек.

В любое время и в любых условиях пространства жили люди, истово придерживавшиеся усвоенных фольклорных канонов. Такие люди встречались собирателям даже в последние десятилетия, в пору уже необратимого отмирания традиций. Этих носителей, приверженцев устойчивости, порою принимают за подобие механических устройств, тогда как их надо высоко ценить, их надо искренне благодарить за то, что они сберегли тексты с более ранними эволюционными качествами.

Рядом с приверженцами канонов всегда жили люди иного склада, склонные в усвоенном тексте что-то поправлять, даже изменять, а то и вовсе, отталкиваясь от усвоенного, создавать свою версию или своё цельное произведение. Новаторство – так же, как и каноничность, – обычно оставалось в пределах круга кровно родственных или семейных отношений. Там же со сменой поколений оно и угасало постепенно, что неоднократно наблюдали собиратели. Зато никому из собирателей, насколько известно, не удавалось с точностью уловить время выхода новой версии / формы за пределы определённого круга родичей, когда её подхватывали и усваивали другие люди. И причина таких упущений состоит в том, что наряду с записями от выдающегося сказочника не делались контрольные записи как в пределах его ближайшего окружения, так и за этими пределами.

Устойчивость текста сохраняла традицию его бытования во времени и в пространстве, изменчивость текста подталкивала его к эволюции и подвигала по пути эволюции. Соотношение между устойчивостью и изменчивостью какого-либо произведения, разновидности произведений или целых видов / жанров, наверное, никогда не было одинаковым. Колебания в соотношении бывали незначи-

тельными, когда течение жизни носителей традиции не нарушалось сколько-нибудь серьёзными внешними обстоятельствами, – самым известным примером предстаёт Русский Север, после Смутного времени и до XX в. менее тревожимый, чем другие края нашей страны. Никто из носителей какой-либо местной традиции никогда не знал всех её текстов. Ни один носитель и не мог притязать на такое знание, ему достаточно было семейного наследия и своего выбора. Наряду с этим каждый носитель, причём независимо от величины своего репертуара, мог знать какие-то произведения, пусть даже всего лишь одно, полнее и лучше других носителей. Со смертью каждого носителя могли уходить из бытования и полнокровные тексты – как те, что исчезали безвозвратно, так и те, которыми другие носители владели в менее выразительной и стяжённой форме, а то и вовсе слабо. Они могли стараться воспроизводить тексты в том виде, в каком их усвоили, – тогда текст непрерывно подвергался стяжению, превращался в пересказ, после чего исчезал из памяти. Они могли соединить забываемый текст с каким-то иным, сделать его частью многосоставного произведения, в составе которого он тоже подвергался стяжению и постепенно тоже стирался из памяти.

Если репертуар местной традиции обеднялся с потерей каждого её носителя, тем более крупного, то ещё больше он опустошался из-за утраты некоторого числа носителей. Голодные годы, эпидемии, войны или репрессии властей приводили и к полному исчезновению каких-то местных традиций. С появлением новых жителей в том или ином месте традиция получала возможность расширить свой репертуар. Когда соседние семьи противопоставляют себя, несколько иначе рассказывая одну и ту же сказку (распевая вроде бы ту же самую песню), они таким образом намекают внешнему наблюдателю о том, что они – потомки или даже прямые выходцы из разных мест, почему-либо поселившиеся в этом месте. Чем сильнее различия в репертуарах и в версиях текстов соседних семей, тем позже эти семьи здесь обосновались. Стихийный отбор текстов и их версий неизбежно приводил к унификации. Поскольку при записи большого числа текстов в одном месте унификация их чаще малозаметна, можно полагать, что те местные традиции, которые наблюдались ещё в XX в., обычно вторичны или даже третичны по отношению к каким-то иным, бытовавшим в том же самом месте или где-то в других местах. Иначе говоря, известные местные традиции много чаще смешанные по своему составу. Устойчивость и изменчивость проявляются не только в текстах, но и в их совокупностях, составляющих ту или иную местную традицию.

Собирателям порой приходилось слышать от какого-нибудь носителя, будто это именно он придумал такой-то текст, хотя в действительности текст довольно традиционен. Легко последовать за таким носителем и объявить всё записанное от него сугубым проявлением его же творчества. Не менее просто провозгласить тексты любого носителя общерусскими по всем их составляющим элементам. Обе крайности весьма часто встречаются в студиях не одних сказковедов. Обе они неприемлемы, потому что обусловлены нежеланием знать масштаб распространения фольклорного факта, почему-либо взятого. Вполне возможно предостеречься от неправомερных отождествлений частного и общего. Для этого нужно убедиться в том, что заинтересовавший фольклорный факт, какой-то элемент текста или самый текст, имеет некоторые пределы своего распространения. Выявление этих пределов и позволяет сделать заключение о соответствующей степени общности фольклорного факта.

Но за деревьями нужно видеть лес. Мало довольствоваться отдельными выверенными фактами. Требуется совершенно осознанное группирование элементов текстов по признаку однородности, по принадлежности к одному уровню в системе повествования. Иначе говоря, требуется научиться выделять классы элементов. Так, класс устойчивых словосочетаний – типа «ясное небо», «красное солнце», «светлый месяц», «частые звёзды», «синее море», «тёмный лес», «зелёная трава», «поле чистое» и т.п. – позволит в дальнейшем выяснить, сколь характерен общеславянский язык для разных видов народной прозы. Класс формул, включая пословичные выражения, – вроде «в некотором царстве, в некотором государстве», «ехал долго ли, коротко ли, низко ли, высоко ли», «скоро сказка сказывается, да не скоро дело деется» и пр. – открывает возможность определить круг текстов, изначально создававшихся как ритмизованный сказ, густо насыщенный формульными выражениями. В этом отношении действен и класс типических мест, благодаря которым определённые сказки оказываются, между прочим, близкими эпическим песням. С созданием класса мест действия (дом, деревня, город, поле, лес и т.п.) можно будет твёрдо знать, с какими из них строго связываются определённые узлы повествования, мотивы или сюжеты, и персонажи. Не менее важно в этих же целях обладать классом персонажей, причём не пытаясь сопровождать кого-либо из персонажей собственными оценками вроде «пособник», «вредитель» и пр.

Ощущение потребности знать, какие тексты бытовали в качестве самостоятельных произведений, заставит составлять их перечни и группировать по видам и разновидностям. Понадобится ставить множество опытов, прежде чем удастся выделить виды сказок хотя бы по одному признаку и притом

строго последовательно. Если возникло намерение выделить сказки по такому элементу, как чудесные предметы, то это нужно делать без оглядки на систему Аарне – Томпсона или на СУС, где перечень сказок по этому признаку дан избирательно. Затем вдруг захочется выделить сказки по такому элементу, как чудесные помощники, и посмотреть, как пересекаются эти сказки со сказками, где фигурируют чудесные предметы, после чего нетрудно будет получить три группы текстов – две с одним признаком и одну с двумя. Группируя далее сказки таким же образом по одному, по двум и более признакам (чудесная задача, чудесный супруг и др.) можно открыть иные перечни текстов в иной последовательности, нежели это показано системой Аарне – Томпсона или СУСом. Преимущества таких перечней – в сопоставимости по взятым признакам и в логической выдержанности на одном уровне повествования. Это и будут классы произведений.

С получением классов элементов текстов откроются возможности последовательно выявлять связи между ними, в комбинациях из двух, трёх и более элементов, с тем, чтобы наконец узнать, сколь естественны и постоянны они в определённых текстах. Создание классификаций и есть познание устойчивости традиций. Удельный вес неизменных элементов повествования и характер повторяемости их комбинаций указывают на степень сохранности или устойчивости текста. Учёт мест фиксации / записи приводит к познанию устойчивости в пространстве, в пределах расселения носителей традиций.

Классифицируя сколько-нибудь большие серии фольклорных фактов, всякий исследователь довольно быстро натолкнётся на множественность и параллелизм форм. В разных текстах один и тот же объект, предмет или персонаж может быть назван / описан сходно, но не одинаково. Места действия то повышаются, то понижаются по своей социальной значимости. Неизменные вроде бы персонажи где-то наделяются одними атрибутами, а где-то другими. Вместо стародавнего даже на первый взгляд персонажа в том же самом произведении появляется явно поздний, порой целая череда поздних. Мотивировки поступков одних и тех же персонажей в разных традициях сильно различаются, а часто они вовсе сняты, что, очевидно, давало слушателям полную волю толковать по-своему поступки сказочных героев и разрешение сюжета. Разнообразие, кажущиеся бесконечными переливы, переходы и перенесения производят впечатление чудовищной и нелепой мешанины всего и вся у людей неподготовленных и равнодушных к собственным размышлениям.

В действительности же изменчивость составляющих тексты элементов не представляет собой ни мешанину, ни дурную бесконечность переменных. Изменчивость фольклорных фактов поддаётся упорядочиванию в некотором последовательном их расположении. Больше того, если бы уже теперь имелись такие последовательности, можно было бы обнаружить в них разрывы, указывающие на исчезновение из бытования каких-то близких фактов или на упущения собирателей. Когда-нибудь этими разрывами будут усердно заниматься в стремлении восстановить исчезнувшие звенья последовательностей. Теперь же было бы в пору выстраивать последовательности фольклорных фактов по признаку их изменчивости.

До сих пор историю фольклорных фактов сплошь и рядом подменяли наивным перенесением их в некую полосу минувшего времени. Чаще всего фольклорные факты любят определять как сугубо «архаические», порой присовокупляя модный термин «архетип»²⁴. Лица, пользующиеся ими, раскрыть временные границы этих расхожих определений не в состоянии. При опросах этих любителей фольклора выясняется, что им никак не удаётся отыскать «архаическую эпоху» в глубинах исторического времени. Люди же, смутно помнящие азы исторического материализма, решительно переносят выбранные ими фольклорные факты во времена «первобытнообщинного / родового строя» и при том ничуть не интересуются, сколь долго тянулись эти времена. Погружением фольклорных фактов в пучину абстрактного или неопределённого времени невозможно удовлетворить даже простое человеческое любопытство. И до сих пор остаётся неизвестным, какие тексты были унаследованы русскими от своих этнических предшественников, какие усвоены ими от соседей, а какие создавались самими русскими в ту или иную эпоху. Сейчас целью исследователей должно являться определение подлинного времени фольклорных фактов, выстраивание последовательности изменений этих фактов и их систем.

Достижению этой цели отнюдь не способствует модное ныне извлечение из текстов так называемых оппозиций: жареное / пареное, чёт / нечёт, зад / перед, правый / левый, верх / низ и т. п. Сколько бы «оппозиций» ни было извлечено даже из одного текста, обратно из них не удастся воссоздать тот же текст в том же виде, не говоря уже о его версиях и тем более о его более ранних эволюционных качествах. Уровень «оппозиций» не тождественен уровню произведения, из которого их извлекли. Любая часть произведения не равна ему самому. Когда же уровни отождествляются, то

²⁴ По поводу понятия «архетип» см. нашу статью [Смирнов 1994].

совершается зауряднейшая логическая ошибка, уводящая в тупик, где, разумеется, очень удобно заниматься сугубо собственными построениями. Эти построения могут быть и безукоризненными по части логики, но они всё равно останутся игрой ума, потому что порождены логической ошибкой.

Едва ли не бесчисленные пары противопоставлений возникали в языках и культурах человечества задолго до формирования современных языковых семейств, они существовали тысячелетия и продолжают бытовать повсюду по сей день. Сами по себе они поэтому не имеют ни этнической метки, ни печати времени. Оставаясь значимыми в языке и повседневной жизни тех носителей, от которых записывали фольклор, эти противопоставления, следовательно, не относятся к фольклорным реалиям, раскрывающим прошлую историю текста. Такими же они оказываются, если их извлечь из фольклорных текстов и расценивать как некие абстракции, впрочем, именуемые моделями. Чтобы доказать в качестве реалии значение какой-либо пары противопоставлений в фольклорном тексте, нужно заметить их этническую окраску и тот временной рубеж, после которого заинтересовавшая пара противопоставлений утратила своё значение в обыденной жизни носителей фольклора. С такими целями отбор пар противопоставлений ещё не проводился. Но и без отбора представляется очевидным, что так называемые оппозиции в большинстве случаев не работают на раскрытие эволюции тех фольклорных произведений, откуда их упорно извлекают.

Более приложимым, чем извлечение оппозиций, видится рассмотрение народной прозы на уровне формул. Ясно, что и этот уровень не тождественен уровню какого-либо произведения в целом. Ясно также, что формулы встречаются не во всех сказках и редки в несказочной прозе. Разумно полагать, что формулы возникали не одновременно и не в каких-то ограниченных пределах расселения носителей. Вместе с тем примечательно, что на уровне формул народная проза даже ближайших этнических родственников, белорусов и украинцев, не говоря уже о прозе других славян, даёт значительно меньше сходжений, чем это кому-нибудь хотелось бы ожидать, а это, наверное, означает, что большинство формул придумывалось довольно поздно, уже на собственно русской почве. Словарь формул ещё не составлен. Корпус текстов с устойчивым применением формул ещё не определён. Исследование формул безусловно перспективно, однако ими почти не выражается содержание текстов. Дополнительная или вспомогательная роль формул в запоминании и в передаче сказок очевидна.

Вырванные из фольклорных текстов противопоставления или формулы тем не менее представляют собой нечто реальное. Их действительное положение в текстах ещё можно восстановить. Этого нельзя сказать о моделях, рамках / рамочных конструкциях или даже якобы реконструкциях, элементарных сюжетах и тому подобных подменах настоящих текстов в их естественном бытовании. Различия между этими вариациями абстракции отображают лишь различие между теми людьми, которые упражняются в таких занятиях. Отказ от познания реального материала приводит к абсолютизации субъективизма. Вместо живой истории фольклорных произведений строитель моделей клонирует себя, свои мыслительные способности, свою логику и свои фантазии, после чего превращает клон в предмет своего изучения. Субъект превращает себя в объект, отличающийся от субъекта тем, что он показывается субъектом обычно вне реального времени и пространства. Упражнения этого рода по существу не имеют отношения к фольклору, какими бы ни были претензии или притязания упражняющихся субъектов.

В любой науке исследователь обязан отличать своё восприятие от предмета изучения. Фольклористика не исключение. И в ней степень адекватности восприятия прямо определяет соответствующую степень познания материала. Здесь напоминает об этом на примере изучения народной прозы.

Архангельские сказки / Сост., подгот. текста, вступ. ст., словарь, указатели Н.В. Дранниковой. Архангельск, 2002.

Афанасьева-Медведева Г.В. Русская охота на медведя в Восточной Сибири в фольклорном и этнолингвистическом освещении Иркутск, 2002.

Библиографический указатель Фольклорного архива кафедры русской литературы Горьковского гос. университета / Составители К.Е. Корепова, Ф.С. Эйдельман, Т.М. Волкова. Горький, 1976. Вып. 1: Эпические жанры. Ч. 1: Сказки; Ч. 2: Несказочная проза. Исторические песни. Баллады.

Бурцев И., Пешехонов И. Священные места Куликова поля. Тула, 2005.

Былички и бывальщины, старозаветные рассказы, записанные в Прикамье / Сост. К.З. Шумов. Пермь, 1991.

Зиновьев В.П. Указатель сюжетов сибирских быличек и бывальщин / Публикация Н.Л. Новиковой и Г.Н. Зиновьевой // Локальные особенности русского фольклора Сибири / Отв. ред. Т.Г. Леонова. Новосибирск, 1985. С. 62–76.

Кенозерские сказки, предания, былички / Вступ. ст., сост., примеч. Н.М. Ведерниковой. М., 2003.

Козлова Н.К. Восточнославянские былички о змее и змеях. Мифологический любовник. Указатель сюжетов

и тексты / Отв. ред. Ю.И. Смирнов. Омск, 2000.

Корепова К.Е. Русская лубочная сказка. Нижний Новгород, 1999.

Кузнецова В.С. Дуалистические легенды о сотворении мира в восточнославянской фольклорной традиции. Новосибирск, 1998. С. 139–163: Указатель сюжетов и мотивов.

Кузнецов А.В. Были и легенды реки Шексны. Вологда, 2004.

Кузнецов А.В. Легенды, предания и были Тотемского уезда. Вологда, 2005.

Кушнарёва Л.Л. Христианские и мифологические сюжеты в несказочной фольклорной прозе старообрядцев (семейских) Забайкалья (конец XIX – начало XXI в.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2004.

Марков В.Г. Кенозерская тетрадь. Архангельск, 2002.

Матвеева Р.П. Сюжетный состав русских волшеббно-фантастических сказок Сибири // Локальные особенности русского фольклора Сибири / Отв. ред. Т.Г. Леонова. Новосибирск, 1985. С. 5–55.

Местные святыни в нижегородской устной народной традиции: родники, часовни при них / Под общ. ред. К.Е. Кореповой. Нижний Новгород, 2003.

Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / Сост. и авт. коммент. О.А. Черепанова. СПб., 1996.

Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В.П. Зиновьев. Новосибирск, 1987. С. 305–320: Указатель быличек и бывальщин русского населения Восточной Сибири.

Народная традиционная культура Псковской области. Обзор экспедиционных материалов из научных фондов Фольклорно-этнографического центра: В 2 т. / Авт. проекта, сост., науч. ред. А.М. Мехнецов; Отв. редакторы Г.В. Лобкова, Е.А. Валевская. СПб., 2002.

Народные русские легенды А.Н. Афанасьева / Подготовила В.С. Кузнецова. Новосибирск, 1990.

Нижегородские христианские легенды / Сост., вступ. ст. и коммент. Ю.И. Шеваренковой, Отв. ред. К.Е. Корепова. Нижний Новгород, 1998.

По заветам старины. Мифологические сказания, заговоры, поверья, бытовая магия старообрядцев Литвы / Изд. подготовил Ю.А. Новиков. СПб., 2005.

Померанцева З.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975. С. 162–191: [Айвазян С., Якимов О.] Указатель сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах.

Правдивые рассказы о полтергейсте и прочей нежити на овине, в избе и бане / Сост. К.З. Шумов, Е. Преженцева. Пермь, 1993.

Предания и былички / Изд. подготовила В.П. Кузнецова. Петрозаводск, 1997.

Представления восточных славян о нечистой силе и контактах с ней. Материалы полевой и архивной коллекции Л.М. Ивлевой / Сост., подгот. текстов и справочный аппарат В.Д. Кен. СПб., 2004.

Рождественская ночь. Сказки, былички, заговоры / Сост. Г.В. Афанасьева-Медведева. Иркутск, 1994.

Русские волшебные сказки Сибири / Сост., вступ. ст. и коммент. Р.П. Матвеевой. Новосибирск, 1981.

Русские волшебные сказки Тункинской долины / Сост., вступ. ст., примеч., указатели Р.П. Матвеевой. Улан-Удэ, 2001.

Русские героические сказки Сибири / Сост., вступ. ст. и коммент. Р.П. Матвеевой. Новосибирск, 1981.

Русские народные сказки о мачехе и падчерице / Сост., вступ. ст. и прил. Е.И. Лутовиновой; Отв. ред. Ю.И. Смирнов. Новосибирск, 1993.

Русские народные сказки Сибири о богатырях / Сост., вступ. ст. и коммент. Р.П. Матвеевой. Новосибирск, 1979.

Русские народные сказки Сибири о чудесном коне / Сост., предисл. и коммент. Р.П. Матвеевой. Новосибирск, 1984.

Русские простонародные легенды и рассказы. Сборник 1861 г. / Изд. подгот. В.С. Кузнецова, О.Н. Лагута, А.М. Лаврентьев. Новосибирск, 2005.

Сказки Кенского волочка / Изд. подготовил Ю.И. Смирнов. Архангельск, 2004.

Сказки Пудожья (1932–1979). Каталог русского рукописного фонда Научного архива Карельского филиала АН СССР / Сост. Н.Ф. Онегина. Петрозаводск, 1979.

Сказки юга России (Белгородская обл.) / Сост. и авт. вступ. ст. В.П. Кичигин. Белгород, 2000.

Смирнов Ю.И. Время и фольклор // Архетипы в фольклоре и в литературе. Кемерово, 1994.

Смирнов Ю.И. Устроители мира на покосе: (Коми-русско-латышские фольклорные параллели) // Балто-славянские исследования. М., 1997.

Смирнов Ю.И. Индигирский осилок и его эволюционные родичи // Славянская культура. Традиции и современность. Чита, 1997а.

Смирнов Ю.И. Первожители с единственным топором // Балто-славянские исследования. М., 1998.

Смирнов Ю.И. Олень, прибежавший на заклание // Русская народная культура и её этнические истоки. М., 1999.

Смирнов Ю.И. Самопогребение чуди // Народная культура Русского Севера. Архангельск, 2002.

Соболева Н.В. Типология и локальная специфика русских сатирических сказок Сибири. Новосибирск, 1984. С. 132–171: Указатель сюжетов бытовых сказок и анекдотов сибирской записи.

СУС – Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Составители Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков; Отв. ред. К.В. Чистов. Л., 1979.

Традиционный фольклор Новгородской обл. Сказки, легенды, былички, заговоры / Изд. подготовили М.Н. Власова, В.И. Жекулина. СПб., 2001.

Щербинина Л.И. Летящая туфелька или голый насмешник. Сибирские сказки и мистические былички. М., 2003.